

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть первая. Испытания на просторах Азии	9
История и современность	10
Новый политический курс — новые люди в дипломатии	11
Срочный вызов в Петербург	14
Подготовка к экспедиции	15
На прощальном обеде у императрицы	17
Путешествие из Петербурга в Оренбург	19
Полмесяца у губернатора Оренбурга	20
Степная одиссея	27
Казахский батыр Исет	30
Сюрпризы на плато Усть-Урт	33
Нерадивость капитана Бутакова	38
Первая встреча с хивинцами	40
Из последних сил	42
Демарш российского посла	45
Первый визит к хивинскому хану	49
Хивинские контрасты	50
Момент истины	57
Посол с пистолетом в руке	60
Поход в Бухару	67
Ночной набег грабителей	68
Торжественная встреча посольства	70
Начало переговоров	74
Архитектурная рапсодия Бухары	77
Поиск компромиссов	78
Первая встреча с эмиром	80
Прощальная аудиенция у эмира	85
Трудный путь на родину	86
Остановка в Оренбурге	90
Встреча с отцом	91
Новое поручение императора	92
Часть вторая. Миссия в Китае	99
Дороги России	99
Столица Западной Сибири	101
Иркутский генерал-губернатор, сибирские купцы и каторжники	107
Переговоры в Поднебесной: между Сциллой и Харибдой	119
Политика с позиции силы	125
Как были спасены Пекин, Запретный город и сохранено единство Китая	148
Часть третья. Балканская эпопея	173
На дипломатическом Олимпе	173

Первый русский дипломат в Варне	187
Будни Певческого моста	189
Прямой потомок Рюриковичей	191
Мечты канцлера о гармонии в отношениях между великими державами	193
Игнатьев и военный министр Милютин	196
Против коварного Альбиона.....	198
Губернатор Степного края или посол в Константинополе?.....	201
На берегах Босфора	204
«Здесь стало легче дышать...»	207
Первое знакомство с жемчужиной Востока.....	208
Первый прием в посольстве	211
«Я люблю самую жизнь этого посольства...».....	215
«Роскошная леди...».....	217
«Второй султан».....	219
Антирусские происки польской эмиграции	223
Тайны контрпропаганды	224
Психология дипломатии	227
Критское восстание	229
Разногласия по восточному вопросу	232
Тайная встреча в Буюкдере	235
Мемуар Горчакова	237
Первый визит падишаха в Европу.....	239
Великий визирь в Ливадии.....	240
Новые дипломатические маневры русского канцлера	242
Неудачная развязка франко-турецкого флирта	245
Айвазовский на Босфоре.....	247
Новые политические реалии	248
Создатель Русской Палестины.....	256
Борьба за Болгарский экзархат	260
Спор вокруг святой обители на Афоне.....	267
Мирликийская святыня	270
Балканский кризис и европейская дипломатия (Затишье перед бурей)	271
Весна, потопленная в крови	281
Мятежные дни и ночи турецкой столицы.....	288
Битва за Сербию.....	294
«Или автономия — или анатомия».....	301
Лондонский протокол — последняя надежда	309
Вторая Отечественная	321
Плевна пала.....	350
От Плевны до Адрианополя.....	354
Миротворец. Сан-Стефанский договор: надежды и разочарование	361
Берлинский конгресс. Крах «европейского концерта»	376
Сильных духом — не сломить.....	391
«Школа дипломатии Игнатьева» по-прежнему актуальна.....	412

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это историческое повествование воссоздает впечатляющую картину драм, трагедий и страстей, бушевавших в политико-дипломатической жизни России и соседних с ней государств в период царствования двух императоров: Александра-Освободителя и его сына Александра III. Главному герою книги графу Николаю Павловичу Игнатьеву волей судеб довелось стать ключевым действующим лицом многих бурных событий того времени: подготовки и заключения в Пекине российско-китайского договора, установившего дальневосточную границу России. Благодаря его дипломатическому искусству ему удалось спасти столицу Поднебесной и жемчужину китайской культуры — Запретный город — от уничтожения англо-французскими войсками и содействовать сохранению единства китайского государства.

Будучи послом в Константинополе Н. П. Игнатьев, преодолевая интриги турецких и западных политиков, нерешительность и непоследовательность российских царедворцев, сумел оказать решающее влияние на процесс освобождения Болгарии, Сербии, Румынии и Черногории, оказал действенную помощь в создании «Русской Палестины».

Опираясь на широкий круг российских и болгарских источников, автор восстанавливает панорамную картину истории российской дипломатии во второй половине XIX века на широком геополитическом пространстве от Дальнего Востока до Европы. Это позволяет видеть сложные перипетии борьбы за утверждение интересов Российского государства после поражения в Крымской войне и за освобождение балканских народов. В книге обнажается сложный механизм создания легенд и мистификаций, своим острием направленных против России и ее политических деятелей. Выявляются подлинные мотивы политики соперничающих с Россией государств. Снимается завеса над многими секретами и тайнами, запретными приемами, которыми пользовались главы государств и их окружение для достижения своих целей, а также делается попытка показать неразрывную связь прошлого и современности и актуальность «школы дипломатии графа Н. П. Игнатьева» для тех, кто сегодня защищает интересы нашей страны на международной арене.

Автору доставляет особое удовольствие принести свою глубокую признательность Калине Каневой, Елке Няголовой, Станке Щоповой, Леониду Сергеевичу Баснину и Вылчо Друмеву за ценные замечания и советы при подготовке этой книги. Самые теплые слова благодарности автор выражает Калине Каневой за предоставленные фотографии из своего фотоархива.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Евангелие от Матфея, 5:9

Он прославился своими успехами в Средней Азии, в Китае и на Балканах. Болгария всегда была в сердце Игнатьева, он был у истоков независимости современной Болгарии, и Болгария до сих пор помнит и чтит его.

Калина Канева.

«Рыцарь Балкан. Граф Игнатьев»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСПЫТАНИЯ НА ПРОСТОРАХ АЗИИ

С балкона смотрел граф на море огней, разлившееся на Соборной площади Софии, где несколько тысяч жителей города приветствовали его с факелами и зажженными фонарями в руках перед домом русского дипломатического агентства. От переполнявших его чувств он не мог сдержать слез. В этих огнях чудились ему пожарища, в которых погибли миллионы сынов и дочерей болгарского народа за пять веков иноземного рабства, превратились в пепел достижения труда, творчества и таланта многих поколений болгар. Это были огни памяти о воинах русской армии, не пожалевших «живота своего за други своя» и павших в кровопролитной войне за свободу братского народа. Это были огни искренней благодарности лично ему, графу Игнатьеву, за многолетние усилия на дипломатическом поприще, которые способствовали тому, что мир признал право болгарского народа на свободу и было восстановлено Болгарское государство. Нет в мировой истории другого примера такой всенародной любви к дипломату иностранного государства, как та, которую встретил он в Болгарии. Жители городов и сел из уст в уста передавали новость о его прибытии в страну по случаю двадцатипятилетия героической эпопеи на Шипке, ставшей прологом освобождения Болгарии. Они украшали к приезду дорогого гостя улицы и площади. Встречать его выходило все население от мала до велика. Как писал очевидец: «Болгарский народ ликовал. Все великие события известные мировой истории как бы побледнели по своему значению перед этим дивным часом, когда болгарский народ встречал творца нашего народного идеала в болгарской столице».

Увидев графа на балконе, все собравшиеся на площади приветствовали его дружным «Ура-а-а!». Он с волнением смотрел на происходящее. Его до глубины души растрогали обращенные к нему слова ученицы шестого класса софийской школы, произнесенные с удивительно трогательной детской искренностью: «Бабушка мне велела всегда помнить графа Игнатьева. Я, когда стану бабушкой, также накажу своим внукам не забывать графа Игнатьева!»

И через полтора столетия в Болгарии знают это имя. Оно вписано в один ряд с именами апостолов болгарского народа, которые жизни свои отдали за его освобождение. Это удивительный исторический феномен. Это еще одно уникальное явление нашего духовного единения! Попытаемся в нем разобраться.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Образование независимых государств после распада Советского Союза вызвало необходимость налаживания с ними дипломатических отношений. За относительно короткий исторический период в нашей стране сложилось новое направление внешнеполитической деятельности.

Для современного читателя будет небезынтересным узнать, как полтора столетия тому назад Россия впервые попыталась установить договорные отношения с существовавшими тогда в Средней Азии государственными образованиями.

История удивительным образом связана с современностью. В процессах, происходящих сегодня на обширном геополитическом пространстве Центральной Азии, можно найти немало параллелей с явлениями полутора-вековой давности. Тогда Россия только нащупывала пути налаживания добрых политических и торговых отношений со своими восточными соседями, но ей приходилось сталкиваться с попытками владычицы морей — Великобритании установить здесь свое господство. Боясь, что влияние России в этом регионе может побудить народы полуострова Индостан, изнывавшие под британским гнетом, искать у Петербурга покровительства, Лондон спешил опередить ее и сделать своим протекторатом среднеазиатские ханства как своеобразный буфер российскому проникновению на Восток.

Работая в начале двухтысячных годов послом России в Туркменистане, я был свидетелем имперских устремлений политического гегемона нашего времени — США — в Центральной Азии. Американский посол Стивен Манн в кругу своих коллег из центральноазиатских стран, находясь в состоянии, выходящем далеко за протокольные рамки, разоткровенничался, что «основная цель политики Вашингтона в этом регионе — выдать отсюда Россию».

Это тот самый Стивен Манн, который, завершив профессиональную дипломатическую карьеру, принялся за разработку пресловутой теории «управляемого хаоса». Раскрывая ее основные постулаты, он вопрошает: «Не является ли идеология своего рода программным человеческим вирусом?» И далее с циничной откровенностью признает: «Соединенные Штаты Америки смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели — народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека». Для этого, полагает новоявленный стратег, США должны воспользоваться преимуществами в коммуникациях и расширяющимися возможностями глобального перемещения. Тогда занесенный вирус станет самовоспроизводящимся и будет распространяться хаотическим путем. Продолжая свою мысль, Манн утверждает, что наилучшей гарантией национальной безопасности США является борьба за умы народов и их культуры. «Это единственный путь, — заявляет он, — для построения мирового порядка, который будет иметь длительный период... И будет глобально выгодным. Если мы не сможем достичь такого идеологического изменения в мире, во всем мире, у нас останутся спорадические периоды спокойствия между катастрофическими переустройствами».

Методы практической реализации этих, с позволения сказать, «гуманных» теоретических выкладок раскрыл в своих публикациях другой американец — Джон Перкинс, автор нашумевшего исследования «Исповедь экономического убийцы».

Не кажется ли вам, уважаемый читатель, что концепция Стивена Манна о «самой мощной биологической войне, которую могут вести Соединенные Штаты Америки», сегодня, когда весь мир пострадал от пандемии, вызванной коронавирусом, звучит довольно-таки двусмысленно? Особенно в свете тех выводов, которые сделал в своей книге Джон Перкинс, и с учетом приведенных им многочисленных фактов о «деяниях» в различных регионах мира «экономических убийц».

Применение теории «управляемого хаоса» на практике уже собрало богатый «кровавый урожай» в странах Латинской Америки, Северной Африки, Ближнего Востока и на Украине.

Сколько еще будет «инфицировано» этим «идеологическим вирусом» народов «для построения мирового порядка, который будет иметь длительный период»? И какой «антибиотик» может спасти от этого «вируса»? Может ли знание отечественной истории помочь нам найти нужную «вакцину», чтобы сделать необходимые прививки от грозящей заразы? Вопросы непростые. Они затрагивают наше настоящее и будущее. Ответить на них нам поможет опыт жизни и деятельности выдающегося представителя российской дипломатии прошлого — Николая Павловича Игнатъева.

В наши дни за несколько часов на самолетах мы преодолеваем тысячи километров от Москвы до любой центральноазиатской столицы. Города и селения связывают шоссейные и железные дороги. Благодаря телевидению и интернету мы ежедневно получаем информацию о происходящих там событиях. Мобильные телефоны и скайп позволяют нам в любой момент услышать и даже увидеть наших знакомых, родственников и друзей. Полтора века назад все было по-другому. Полгода потребовалось флигель-адъютанту полковнику Николаю Павловичу Игнатъеву и возглавляемой им миссии, чтобы достичь Хивы и Бухары с целью заключения по высочайшему повелению соглашений о сотрудничестве с их правителями. Жестокие испытания с риском для жизни встретились на пути членов этой экспедиции.

Но почему царское правительство в тот период принимает решение установить дипломатические отношения с Хивой и Бухарой?

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС — НОВЫЕ ЛЮДИ В ДИПЛОМАТИИ

Поражение в Крымской войне 1853–1856 годов было для России, ее политики и общественных настроений своего рода катарсисом. Взошедший на престол Александр II после провала на конференции в Париже политики Нессельроде сменил главу внешнеполитического ведомства, назначив своим вице-канцлером князя Александра Михайловича Горчакова. С его именем связан новый внешнеполитический курс. Россия отныне придерживалась

политики сдержанной. Она перестала рассчитывать на союзы с другими державами и не вмешивалась в дела других государств. В циркуляре, направленном всем российским посольствам и миссиям за рубежом, подчеркивалось, что политика государства будет национальной. Впредь Россия намерена воздерживаться от активного участия в международных делах. Вице-канцлер сосредоточил усилия своего ведомства на преодолении международной изоляции, постепенном создании условий для отмены унижительных для страны решений Парижской конференции. Именно этим объясняется его желание расширить спектр внешнеполитических приоритетов за счет налаживания более активного взаимодействия с восточными странами.

Если в военных кругах имелись настроения взять реванш за поражение в войне приобретением новых территорий в восточных регионах, чтобы не допустить там усиления влияния Англии, то Горчаков убеждал императора в том, что «расширение территории есть расширение слабости». Александр II согласился с доводами министра.

— Государь, — обратился Александр Михайлович к императору во время аудиенции, — если изволит ваше величество, то мы могли бы направить под видом научной экспедиции специальную миссию в Хиву и Бухару. Идея такой экспедиции, как вы помните, принадлежит молодому Игнатьеву.

Горчакову было хорошо известно, с какой теплотой царь относился к своему крестнику. Он безошибочно рассчитал, что упоминание об идее, высказанной в записке Игнатьева, написанной на французском языке, с которой он ознакомил Александра II, вызовет благосклонное отношение императора к его предложению.

— Да... Я с интересом ознакомился с его соображениями в Варшаве, куда он прибыл по моему повелению в конце августа из Лондона. Он смело высказывался о мерах, которые нам следует предпринять в Турции, Персии и Средней Азии, чтобы противодействовать Великобритании... Об этом же докладывал мне ранее в Висбадене, где он лечил ногу во время моего там пребывания... Не отозвать ли нам его из Лондона, с тем чтобы употребить на дипломатическом поприще?

Горчаков молниеносно отреагировал на вопрос. Он давно искал возможности переманить к себе из другого министерства этого талантливого и инициативного военного агента в Лондоне, блестяще проявившего себя в качестве эксперта на Парижской конференции.

— Во время упомянутого вашим величеством пребывания в Варшаве я имел с ним беседу на эту тему. Я предложил ему направиться в Персию поверенным в делах. Он письменно изложил мне мотивы своего отказа от столь ответственного дипломатического поста, сославшись на свою молодость. Ему, как известно вашему величеству, двадцать пять лет. Он попросил прежде дать ему случай негласным образом, в качестве неофициального лица ознакомиться с Востоком и местными условиями. Если будет повеление вашего величества, мы отзовем его в Санкт-Петербург и поручим ему подготовку экспедиции в Среднюю Азию.

После аудиенции Горчаков пригласил к себе директора Азиатского департамента министерства — генерала Егора Петровича Ковалевского.

Вице-канцлер имел обыкновение не откладывать дела в долгий ящик, сразу поручая исполнение подчиненным.

Несмотря на осеннюю промозглую погоду и время от времени подступающие боли в пояснице, настроение его после разговора с государем было приподнятым. На это у него была особая причина. Сегодня ему удалось получить высочайшее согласие на перевод в свое ведомство, которое испытывало острый недостаток в аналитиках, способного и подающего большие надежды сотрудника.

Войдя в кабинет министра и увидев его в мундире, расшитом золотом, Ковалевский сразу понял, что вице-канцлер был на приеме у императора.

— Егор Петрович, — без лишних слов начал князь, — получено согласие государя: отозвать из Лондона полковника Игнатьева... Следует поручить ему возглавить миссию в Хиву и Бухару в ответ на пребывание их посольств в Москве, присутствовавших на коронации императора.

Ковалевский выслушал Горчакова, ничем не выдав своего удовлетворения этой новостью. Он всегда держался с министром подчеркнуто учтиво, но с независимостью, которая была недоступна другим. Этому способствовали его заслуги на дипломатическом, научном и литературном поприщах. Несколько месяцев назад он был избран почетным членом Петербургской академии наук. Ему стоило немалых усилий, чтобы склонить канцлера больше внимания уделять восточному вектору в политике. Он был убежден, что именно активность России на Востоке поможет ей более успешно противодействовать амбициям Великобритании в этом регионе и в мире в целом.

— Ваше сиятельство, полковник Игнатьев с высочайшего разрешения в конце октября отправился в Вену, Европейскую Турцию, Сирию и Египет. Затем через Италию он прибудет в Лондон для продолжения службы. Не далее как вчера я имел разговор с генерал-губернатором Павлом Николаевичем, который сослался на полученное от сына письмо и сказал, что через две недели он будет находиться в Александрии. С вашего позволения я направлю ему депешу.

— Вы не могли бы напомнить, Егор Петрович, к каким результатам пришел комитет, возглавляемый великим князем Константином Николаевичем?

— По мнению великого князя, не следует соединять экспедицию Ханькова в Хорасан и Герат и посольство в Хиву и Бухару. Великий князь распорядился принять решительные меры по приведению Аральской флотилии в надлежащее состояние, с тем чтобы посольство могло на судах пройти по реке Амударье и по возможности продвинуться до афганских владений.

По реакции министра Ковалевский понял, что Горчаков согласен поддержать его проект о направлении одновременно посольства в Хиву и Бухару и научной экспедиции в Афганистан и Персию, которая могла бы при благоприятных условиях прозондировать возможность установления политических контактов.

Было решено поручить Николаю Владимировичу Ханькову подготовить записку об экспедиции в Хорасан и Герат для представления ее в Императорское географическое общество, которое и должно было взять на себя основную часть расходов. А чтобы не вызывать подозрения у англичан, предусматривалось придать экспедиции чисто научный характер.

Ханыков уже зарекомендовал себя как весьма способный ориенталист. Он был воспитанником Царскосельского лицея. Самостоятельно изучив восточные языки, усердно занимался исследованиям Кавказа и Средней Азии. В 1841 году в составе посольства Бутенева посещал Бухару. Собранный материал он обобщил в своих трудах о Бухарском ханстве, населении киргизских степей и городском управлении в Средней Азии. Осенью 1857 года он, как и Игнатьев, подал обстоятельную записку великому князю Константину Николаевичу о снаряжении научной экспедиции в Хорасан. Именно об этой экспедиции Горчаков и говорил Ковалевскому.

Миссия флигель-адъютанта Игнатьева официально направлялась как ответное посольство, но одновременно ей необходимо было произвести топографическую съемку реки Амударьи и по возможности добиться подписания с правителями Хивы и Бухары соглашений, выгодных для политических и торговых интересов России.

Сношения с Хивой были крайне неудовлетворительны. Проводимые до того переговоры с хивинскими правителями были бесплодны и даже унижительно для Петербурга. Хива, считая себя недосыгаемой, продолжала вредить России, притесняла и обирала наших торговцев, принимала беглых и держала в рабстве русских людей, которых захватывала в плен на российской территории. Хивинский хан Сеид-Мохаммед посылал своих эмиссаров российским подданным-казахам, сбивая их с толку и даже налагая на них подати. На официальные представления Петербурга хивинцы отписывались лживо, а иной раз дерзко. Обращения оренбургского генерал-губернатора вообще игнорировались. Подписанные предыдущими посольствами договоры с хивинским ханом не исполнялись.

Бухара поступала не так нагло. Сдержанное поведение бухарского эмира Насруллы свидетельствовало о его понимании важности торговли с Россией. Однако он также держал русских пленных и притеснял наших купцов, налагая на них двойную пошлину по сравнению с мусульманскими торговцами. Эмир отказался подписывать договор, который предлагало во время визита в Бухару посольство Бутенева. Он продолжал так же, как и хивинский хан, взимать с наших купцов десять процентов с товаров, которые оценивались произвольно, как правило, с завышением действительной стоимости.

Начиная с середины восемнадцатого столетия Россия увеличивала объем торговли с ханствами, но при этом постоянно приходилось преодолевать препятствия, чинимые среднеазиатскими правителями. Баланс торгового оборота складывался в ущерб российскому купечеству. Из-за отсутствия безопасности распродажу своих товаров они поручали хивинским и бухарским приказчикам, которые нередко их обманывали, пользуясь произволом своих властей.

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ В ПЕТЕРБУРГ

Николай Павлович Игнатьев находился в Египте, когда Ковалевский известил его, что по высочайшему повелению ему поручено возглавить посольство в Среднюю Азию. Это известие вызвало у него душевный подъем.

Его самолюбию льстило, что соображения, высказанные им в записках и неоднократных беседах с великим князем Константином Николаевичем, Горчаковым, военным министром и Ковалевским об усилении русского влияния на Востоке возымели успех.

Из Александрии ясным зимним утром он отплывает пароходом в Италию. Здесь он наслаждается красотами Неаполя, посещает развалины Помпеи, знакомится с античными и средневековыми памятниками Рима. Разглядывая рельеф на колонне Траяна на римском Форуме, повествующий о войнах римлян с даками, Николай Павлович испытывал двойственное чувство. Подлинное восхищение вызывали аллегорические фигуры крылатой Победы, Дуная и реалистичные изображения римских воинов и даков, которые давали ясное представление об их оружии, доспехах и костюмах. Но одновременно это величественное сооружение пробудило у него мысль о превратностях человеческой истории: «Где сейчас непобедимые римские легионы, на протяжении столетий стремившиеся к захвату новых территорий? Где гордые и свободолюбивые даки? Что, кроме этой величественной колонны, осталось от завоевательных походов Рима, которые несли народам Европы, Азии и Африки неисчислимые человеческие жертвы?»

В отличие от многих сверстников своего круга Игнатъев с молодых лет стремился к обогащению своих знаний. Этому способствовала обстановка в семье. Родители души не чаяли в своих детях, которые росли в атмосфере любви и требовательной заботы. Николай Павлович, находясь вдали от отчего дома, состоял в постоянной переписке с отцом. В одном из писем во время своего путешествия он признается, что решительно не умеет ездить просто для удовольствия. Считает для себя непростительным даже полчаса просидеть без занятий и цели. За неимением служебных дел он не тратит свободное время зря, а старается употребить его «с наибольшей пользой для собственного образования с тем только, чтобы впредь быть более полезным службе царской».

Из Рима он спешит домой через Вену и Прагу. Здесь судьба сводит его с деятелями чешского и русинского национальных движений Ф. Палацким, Ф. Ригером, А. Добрянским, общение с которыми раскрыло Николаю Павловичу значение славянской культуры и православия в политической жизни Австрии и Турции и то «магическое влияние», которое имела Россия на «совершающие ей племена на Востоке».

Спустя несколько лет он по роду службы окажется в Константинополе, где познает всю трагичность положения славянских народов на Балканах, находившихся под иноземным владычеством.

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

В конце марта полковник прибывает в Петербург. После мягкой зимы в Европе холодный пронизывающий ветер с Балтики показался ему особенно неприветливым. Он сразу уходит с головой в процесс подготовки к предстоящей экспедиции. К его сожалению, многое из того, что он предлагал в своих записках, не было учтено. Как это было свойственно характеру Игнатъева, на встрече с Ковалевским он не стал скрывать своих опасений.

— Ваше превосходительство, хотел бы обратить внимание на некоторые обстоятельства, могущие препятствовать успеху экспедиции.

Ковалевский спокойно выслушал его и спросил, что конкретно он имеет в виду.

— Я полагаю, что в экспедицию назначено слишком много ненужных лиц из различных ведомств и слишком поздним — в середине мая — предусмотрено ее выступление для такого дальнего перехода по безводной пустыне в самый жаркий период.

— Но вам самому на сборы остается не более двадцати дней...

— Хотел бы также заметить, что в моих предложениях военной конвой посольства предполагался вдвое многочисленней. Я внимательно ознакомился с вашим отчетом об экспедиции в Бухару и с интересом прочитал вашу книгу. В них вы пишете о том, насколько труден и опасен переход через степи и пустыни Хивы.

— Я разделяю ваши опасения, полковник. Но так распорядился великий князь. Он запросил мнение военного министра и оренбургского генерал-губернатора. Они заверили его в своей готовности оказать всяческую поддержку вашему посольству.

Ковалевский, успокаивая Игнатъева, сказал, что ему отсюда все кажется таким опасным. На месте он убедится, что препятствия не столь значительны. Генерал-губернатору Катенину и командующему Аральской флотилии Бутакову будут даны указания ускорить приготовления. А если состав экспедиции окажется неудачным, то он всегда может отправить обратно ненужного человека.

— Открытие судоходства на реке Амударье составляет важнейшее из всех порученных вам дел, — подытожил Егор Петрович. — Имейте в виду, что конечная цель наших действий — искать удобнейший путь в Индию по рекам Аму и Сыру или через Кашгар... На Персию нам надеяться нельзя. Желательно достигнуть самостоятельного пути для будущих действий. Сделайте то, что можете сделать. Но надо избегать военных действий. Легко войну начать, да не легко вести.

Полковника принял и военный министр Николай Онуфриевич Сухозанет. Он хорошо знал семью Игнатъевых. Его брат Иван Онуфриевич возглавлял Пажеский корпус, до того как отца Николая Павловича назначили директором этого самого престижного в России военного училища. Игнатъева растрогали поистине отеческие слова старого боевого генерала, участника двух войн — Отечественной и Крымской, который на все лады расхваливал его способности. Говорил о том, что его ожидает блестящее будущее на военной службе, и выражал большое сожаление, что полковника забирают у него на «такое рискованное дело».

Омрачало Николая Павловича одно — зловещие предсказания, которыми осаждали его родителей знакомые. Многие приятели Игнатъева расставались с ним, словно в последний раз перед неминуемой гибелью. Были и такие, кто с едва скрываемой завистью к быстрому карьерному росту молодого посланника пытался внушить ему мысль, что государь и князь Горчаков намеренно направляют его с таким опасным поручением в надежде на то, что он либо свернет себе шею и погибнет, либо осрамится перед петербургским светом.

Особенно Игнатьева растрогало сердечное прощание с императором и членами венценосной семьи. Теплое, по-настоящему сердечное отношение, которое проявили государь и великий князь Константин Николаевич, произвело на него глубокое впечатление.

НА ПРОЩАЛЬНОМ ОБЕДЕ У ИМПЕРАТРИЦЫ

Но более всего Николая Павловича поразила вдовствующая императрица Александра Федоровна (она была дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III). Полковник явился в Зимний дворец в парадной форме, с орденом Святого Станислава II степени, которым был награжден за успешное выполнение своего первого дипломатического поручения на Парижской конференции, и орденом Святого Владимира IV степени за деятельность в Лондоне. Царица любезно встретила его. На ее красивом лице уже стареющей женщины еще сохранились следы печали по умершему почти три года назад мужу, которого она очень любила. Позднее Анна Тютчева, фрейлина цесаревны Марии Александровны, напишет о ней: «Это была прелестная птичка, которую [муж] держал взаперти в золотой украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами».

Она взяла икону Божией Матери, написанной мастером миниатюрной живописи, и сказала, что хочет благословить его. Николай Павлович опустился перед ней на колени. Александра Федоровна благословила его, взяла его голову обеими руками и нежно поцеловала. Вошедшему в этот момент императору она произнесла с материнской укоризной на французском языке, что он напрасно посылает своего крестника в столь ужасную страну, где он может бессмысленно погибнуть. От этих слов слезы умиления блеснули в глазах Игнатьева, а царица продолжила:

— Он мог бы быть очень полезным здесь. Можно подумать, что в министерстве нет никого другого для направления в эти ужасные места.

Было заметно, что императора смутил такой душевный порыв Александры Федоровны. Некоторую неловкость при этом испытал и его крестник. Отпуская его, императрица потребовала, чтобы он непременно пришел к ней на «прощальный обед».

Обед прошел в узком кругу. На нем присутствовали лишь государь и принц Петр Ольденбургский.

Царица была в приподнятом настроении. Она усадила Игнатьева подле себя и обращалась с ним подчеркнuto ласково, как будто он был в числе ее самых близких лиц. Роскошное шелковое платье с нежным лиловым отливом придавало ее изящной фигуре романтический вид. С ним гармонировало великолепное кольцо из сапфиров, которые она любила за магические свойства этого драгоценного камня. Перстни из бриллиантов украшали ее красивые руки, которые она обнажила, сняв перчатки и положив их на золотую тарелку, поданную ей с правой стороны прислуживающим камер-пажом.

Государь тоже был приветлив и в хорошем настроении. На нем был мундир генерала лейб-гвардии гусарского Гродненского полка. Форма сидела на императоре как влитая, подчеркивая пропорциональность его

высокой фигуры. Он был в расцвете сил: через две недели ему исполнится сорок лет. Игнатъев знал о слабости царя к военному мундиру и о заведенном им порядке — надевать форму того полка, который в этот день отмечал годовщину своей самой славной победы. Государь имел привлекательную внешность. Небольшие тщательно ухоженные усы, зачесанные по моде того времени бакенбарды и уложенные на правую сторону волосы, прикрывавшие едва появившиеся залысины, выдавали в нем скрытого щеголя. Он сразу завладел всеобщим вниманием. Говорил император баском, с едва заметной картавинкой. Его речь была безупречной по стилю. Сказывались уроки, полученные от воспитателя — поэта Василия Жуковского. От своего отца он научился в общении с подчиненными быть предельно корректным, без фамильярности, слушать, не перебивая собеседника, стараясь публично не давать никаких оценок.

Видимо, царь, продолжая переживать случившееся с ним накануне или желая подбодрить своего молодого посланника, придать ему мужества перед предстоящими испытаниями, с живостью начал рассказывать о своем любимом увлечении — охоте и случае, произошедшем два дня назад. Он с утра до вечера бродил по лесам в поисках медвежьей берлоги. Уже стало смеркаться, когда загонщики выгнали на него огромное животное. Увидев перед собой людей, зверь с диким ревом поднялся на задние лапы и пошел на них.

Рассказчик словно вновь испытывал чувства, охватившие его в тот напряженный момент: взор его горел, щеки налились краской, и он заметнее обычного, грассируя, произнес:

— Унтер-егермейстер Иванов вовремя подал мне заряженное ружье. Я не мешкая выстрелил. Медведь по инерции сделал еще два шага и рухнул в пяти аршинах от меня.

В этот момент камер-лакеи, обслуживавшие обед, наполнили бокалы вином шато-икем. Император предложил тост за успех миссии, возглавляемой его крестником. Все дружно поддержали его.

Слушавшая с напряжением его рассказ императрица, пригубив янтарный напиток, в сердцах произнесла:

— Александр, сколько раз тебе говорила, чтобы ты не рисковал так!

Когда императрица волновалась, то можно было заметить легкое подергивание ее головы, оставшееся после пережитого ею испуга во время трагических событий декабря 1825 года. Воспользовавшись возникшей после этого небольшой паузой, она перевела разговор на тему, близкую принцу Ольденбургскому.

Петр Георгиевич через несколько дней открывал первое в России семиклассное училище для девочек, которое решено было назвать Маршинским в память о почившей императрице. Мария Федоровна, супруга Павла I, была его бабушкой. Он с четырех месяцев воспитывался у нее. Лишь позже, когда его мать, великая княгиня Екатерина Павловна, повторно вышла замуж за наследного принца Вюртембергского, он последовал за ней в Штутгарт. Петр Георгиевич до конца дней своих сохранил о бабушке самые теплые воспоминания.

Не только родственные, но и дружеские узы связывали его с Александром II.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru